

ЖАН ПОЛЬ САРТР

СМЕРТЬ В ДУШЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
С20

Серия «Эксклюзивная классика»

Jean-Paul Sartre

LA MORT DANS L'ÂME
(LES CHEMINS DE LA LIBERTÉ III)

Перевод с французского *Д. Вальяно, Л. Григорьяна*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения издательства Editions Gallimard.

Сартр, Жан Поль.

С20 Смерть в душе : [роман] / Жан Поль Сартр ; [пер. с фр. Д. Вальяно, Л. Григорьяна]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 448 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-093537-6

«Смерть в душе» — третий роман после «Возраста зрелости» и «Отсрочки» в трилогии Сартра «Дороги свободы». Временем действия этого произведения стал один из самых горьких и трагических периодов французской истории — лето 1940 г., когда французская армия потерпела разгромное поражение от немецко-фашистских войск и вся страна, растерянная и деморализованная, будто застыла в приступе кататонии, не понимая, как жить и что делать теперь.

С горечью осознает главный герой романа, университетский преподаватель Матье, сколь ничтожны его рефлексии и его поиски личной свободы перед лицом национальной катастрофы, — но постепенно понимает, что именно это духовное чистилище может закалить его и принести ему новый смысл жизни...

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

- © Editions Gallimard, Paris, 1949
- © Перевод. Л. Григорьян, наследники, 2013
- © Перевод. Д. Вальяно, наследники, 2013
- © Издание на русском языке

ISBN 978-5-17-093537-6 AST Publishers, 2021

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Нью-Йорк, 9 часов утра, суббота,
15 июня 1940 г.

Спрут? Он взял нож, открыл глаза, это был сон. Нет. Спрут был здесь, он его всасывал своими щупальцами: жара. Он потел. Он уснул к часу ночи; в два часа жара его разбудила, весь в поту, он бросился в холодную ванну, затем, не вытираясь, снова лег: и сразу же после этого под его кожей опять загудела кузница, его снова бросило в пот. На заре он уснул, ему снился пожар, теперь солнце, конечно, было уже высоко, а Гомес все потел: он без передышки потел уже двое суток. «Боже мой!» — вздохнул он, проводя влажной рукой по мокрой груди. Это была уже не жара; это была болезнь атмосферы: у воздуха была горячка, воздух потел, и ты потел в его поту. Встать. Лучше уж потеть в рубашке. Он встал. «Nombre!* У меня кончились рубашки!» Он промочил последнюю, голубую, так как вынужден был переодеваться дважды в день. Теперь кончено: он будет напивать эту влажную вонючую тряпку, пока белье не вернется из прачечной. Он осторож-

* Вот это да! (исп.)

но встал, но не смог избежать водопада, капли ка-
тились по бокам, как вши, они его щекотали. Изже-
ванная рубашка, в сплошных складках, на спинке
кресла. Он ее пощупал: ничто никогда не высыха-
ет в этой блядской стране. Сердце его колотилось,
горло одеревенело, словно он накануне напился.

Он надел брюки, подошел к окну и раздви-
нул шторы: на улице свет, белый, как катастрофа;
и впереди еще тринадцать часов света. Он с трево-
гой и гневом посмотрел на мостовую. Та же ката-
строфа; там, на жирной черной земле, под дымом,
кровью и криками; здесь, между красными кирпич-
ными домиками свет, именно свет и обильный пот.
Но это была *та же самая* катастрофа. Смеясь, про-
шагали два негра, женщина вошла в аптеку. «Боже
мой! — вздохнул он. — Господи!» Он видел, как
кричали все эти краски: даже если бы у меня было
время, даже если бы у меня было настроение, как
можно рисовать с этим светом! «Господи! — повто-
рил он. — Господи!»

Позвонили. Гомес пошел открывать. На пороге
стоял Ричи.

— Убийственно, — входя, сказал Ричи.

Гомес вздрогнул:

— Что?

— Эта жара: убийственно. Как, — с упреком до-
бавил он, — ты еще не одет? Рамон ждет нас к де-
сяти часам.

Гомес пожал плечами:

— Я поздно заснул.

Ричи, улыбаясь, посмотрел на него, и Гомес живо
добавил:

— Слишком жарко. Я не мог уснуть.

— Первое время всегда так, — снисходительно сказал Ричи. — Потом привыкнешь. — Он внимательно посмотрел на него. — Ты принимаешь солевые пилюли?

— Естественно, но толку никакого.

Ричи покачал головой, и его доброжелательность отделилась строгостью: солевые таблетки должны были мешать потеть. Если они не действовали на Гомеса, значит, он был не таким, как все.

— Но позволь! — сказал он, хмурия брови. — Ты ведь должен быть натренирован: в Испании тоже жарко.

Гомес подумал о сухих и трагических утрах Мадрида, об этом благородном свете над Алькалой, в котором была еще надежда; он покачал головой:

— Это не та жара.

— Менее влажная, да? — с некоей гордостью спросил Ричи.

— Да. И более человечная.

Ричи держал газету; Гомес протянул было руку, чтобы взять ее, но не осмелился. Рука опустилась.

— Нынче большой день, — весело сказал Ричи, — праздник Делавэра. Ты знаешь, я ведь из этого штата.

Он открыл газету на тринадцатой странице; Гомес увидел фотографию: мэр Нью-Йорка Ла Гардиа пожимал руку толстому мужчине, оба самозабвенно улыбались.

— Этот тип слева — губернатор Делавэра, — пояснил Ричи. — Ла Гардиа принял его вчера в World Hall*. Это было превосходно.

* Всемирный зал (англ.).

Гомес хотел вырвать у него газету и посмотреть на первую страницу. Но подумал: «Плевать» — и прошел в туалет. Он пустил в ванну холодную воду и быстро побрился. Когда он залезал в ванну, Ричи ему крикнул:

— Как ты?

— Исчерпал все средства. У меня больше нет ни одной рубашки, и осталось всего восемнадцать долларов. И потом, в понедельник возвращается Мануэль, я должен вернуть ему квартиру.

Но он думал о газете: Ричи, ожидая его, читал; Гомес слышал, как он шелестит страницами. Он старательно вытерся; все напрасно: вода сильно намочила полотенце. Он с дрожью надел влажную рубашку и вернулся в спальню.

— Матч гигантов.

Гомес непонимающе посмотрел на Ричи.

— Вчерашний бейсбол. «Гиганты» выиграли.

— Ах да, бейсбол...

Гомес наклонился, чтобы зашнуровать туфли. Он снизу пытался прочесть заголовки на первой странице. Наконец он спросил:

— А что Париж?

— Ты не слышал радио?

— У меня нет радио.

— Кончен, пропал, — мирно сказал Ричи. — Они вошли туда сегодня ночью.

Гомес направился к окну, прильнул лбом к раскаленному стеклу, посмотрел на улицу, на это бесполезное солнце, на этот бесполезный день. Отныне будут только бесполезные дни. Он повернулся и тяжело сел на кровать.

— Поторопись, — напомнил Ричи. — Рамон не любит ждать.

Гомес встал. Рубашка уже вымокла насквозь. Он пошел к зеркалу завязать галстук:

— Он согласен?

— В принципе — да. Шестьдесят долларов в неделю за твою хронику выставок. Но он хочет тебя видеть.

— Увидит, — сказал Гомес. — Увидит.

Он резко обернулся:

— Мне нужен аванс. Надеюсь, он не откажет?

Ричи пожал плечами. Через некоторое время он ответил:

— Я ему говорил, что ты из Испании, и он опасается, как бы ты не оказался сторонником Франко; но я ему не сказал о... твоих подвигах. Не говори ему, что ты генерал: неизвестно, что у него на душе.

Генерал! Гомес посмотрел на свои потрепанные брюки, на темные пятна, которые пот уже оставил на рубашке. И с горечью проговорил:

— Не бойся, у меня нет желания хвастаться. Я знаю, чего здесь стоит, что ты воевал в Испании: вот уже полгода, как я без работы.

Казалось, Ричи был задет.

— Американцы не любят войну, — сухо пояснил он.

Гомес взял под мышку пиджак:

— Пошли.

Ричи медленно сложил газету и встал. На лестнице он спросил:

— Твоя жена и сын в Париже?

— Надеюсь, что нет, — живо ответил Гомес. — Я очень надеюсь, что Сара сообразит бежать в Монпелье.

Он добавил:

— У меня нет о них известий с первого июня.

— Если у тебя будет работа, ты сможешь их вызвать к себе.

— Да, — сказал Гомес. — Да, да. Посмотрим.

Улица, сверкание окон, солнце на длинных плоских казармах из почерневшего кирпича без крыши. У каждой двери ступеньки из белого камня; марево зноя со стороны Ист-Ривер; город выглядел хиреющим. Ни тени: ни на одной улице мира не чувствуешь себя так ужасно, весь на виду. Раскаленные добела иголки вонзились ему в глаза: он поднял руку, чтобы защититься, и рубашка прилипла к коже. Он вздрогнул:

— Убийственно!

— Вчера, — говорил Ричи, — передо мной рухнул какой-то бедняга старик: солнечный удар. Брр, — поежился он. — Не люблю видеть мертвых.

«Поезжай в Европу, там насмотришься», — подумал Гомес.

Ричи добавил:

— Это через сорок кварталов. Поедем автобусом.

Они остановились у желтого столба. Молодая женщина ждала автобус. Она посмотрела на них опытным угрюмым взглядом, потом повернулась к ним спиной.

— Какая красotka, — ребячески заметил Ричи.

— У нее вид потаскухи, — с обидой буркнул Гомес.

Он почувствовал себя под этим взглядом грязным и потным. Она не потела. Ричи тоже был розо-

вым и свежим в красивой белой рубашке, его вздернутый нос едва блестел. Красавец Гомес. Красавец генерал Гомес. Генерал склонялся над голубыми, зелеными, черными глазами, затуманенными трепетом ресниц; потаскуха увидела только маленького южанина с полсотней долларов в неделю, потеющего в костюме из магазина готового платья. «Она меня приняла за даго»*. Тем не менее он посмотрел на красивые длинные ноги и снова покрылся потом. «Четыре месяца, как я не имел женщины». Когда-то желание пылало сухим солнцем у него в животе. Теперь красавец генерал Гомес упивался постыдными и тайными вожделениями зрителя.

— Сигарету хочешь? — предложил Ричи.

— Нет. У меня горит в горле. Лучше б выпить.

— У нас нет времени.

Он со смущенным видом похлопал его по плечу.

— Попытайся улыбнуться, — сказал он.

— Что?

— Попытайся улыбнуться. Если Рамон увидит у тебя такую физиономию, ты нагонишь на него страх. Я не прошу тебя быть подобострастным, — живо добавил он в ответ на недовольный жест Гомеса. — Войдя, ты приклеишь к губам совершенно нейтральную улыбку и там ее и забудешь; в это время ты можешь думать о чем хочешь.

— Хорошо, я буду улыбаться, — согласился Гомес.

Ричи участливо посмотрел на него.

— Ты тревожишься из-за сына?

— Нет.

Ричи сделал тягостное мыслительное усилие.

* Мексиканец (*амер. жаргон*).

— Из-за Парижа?

— Плевать мне на Париж! — запальчиво выкрикнул Гомес.

— Хорошо, что его взяли без боя, правда?

— Французы могли его защитить, — бесстрастно ответил Гомес.

— Ой ли! Город на равнине?

— Они могли его защитить. Мадрид держался два с половиной года...

— Мадрид... — махнув рукой, повторил Ричи. — Но зачем защищать Париж? Это глупо. Они бы разрушили Лувр, Оперу, собор Парижской Богоматери. Чем меньше будет ущерба, тем лучше. Теперь, — с удовлетворением добавил он, — война закончится скоро.

— А как же! — насмешливо подхватил Гомес. — При таком ходе событий через три месяца воцарится нацистский мир.

— Мир, — сказал Ричи, — не бывает ни демократическим, ни нацистским: мир — это просто мир. Ты прекрасно знаешь, что я не люблю гитлеровцев. Но они такие же люди, как и все остальные. После завоевания Европы у них начнутся трудности, и им придется умерить аппетиты. Если они благоразумны, то позволят каждой стране быть частью европейской федерации. Нечто вроде наших Соединенных Штатов. — Ричи говорил медленно и рассудительно. Он добавил: — Если это помешает вам воевать предстоящие двадцать лет, это уже будет достижением.

Гомес с раздражением посмотрел на него: в серых глазах была огромная добрая воля. Ричи был весел, любил человечество, детей, птиц, абстрактное ис-

кусство; он думал, что даже с грошовым разумом все конфликты будут разрешены. Он не особенно почитал эмигрантов латинской расы; он больше ладил с немцами. «Что для него падение Парижа?» Гомес отвернулся и посмотрел на разноцветный лоток продавца газет: Ричи вдруг показался ему безжалостным.

— Вы, европейцы, — продолжал Ричи, — всегда привязываетесь к символам. Уже неделя, как все знают, что Франция разбита. Ладно: ты там жил, ты там оставил воспоминания, я понимаю, что это тебя огорчает. Но падение Парижа? Что это значит, если город остался цел? После войны мы туда вернемся.

Гомес почувствовал, как его приподнимает грозная и гневная радость:

— Что это для меня значит? — спросил он дрожащим голосом. — Это мне доставляет радость! Когда Франко вошел в Барселону, французы качали головами, они говорили, что это прискорбно; но ни один не пошевелил и мизинцем. Что ж, теперь их очередь, пусть и они свое отведают! Это мне доставляет радость! — крикнул он в грохоте автобуса, который остановился у тротуара. — Это мне доставляет радость!

Они вошли в автобус за молодой женщиной. Гомес сделал так, чтобы при посадке увидеть ее подолки; Ричи и Гомес остались стоять. Толстый мужчина в золотых очках поспешно отодвинулся от них, и Гомес подумал: «От меня, вероятно, пахнет». В последнем ряду сидячих мест один человек развернул газету. Гомес прочел через его плечо: «Тосканини устроили овацию в Рио, где он играет впервые за пятьдесят четыре года». И ниже: «Пре-

мьера в Нью-Йорке: Рей Милланд и Лоретта Янг в «Доктор женится». Там и тут другие газеты расправляли крылья: Ла Гардиа принимает губернатора Делавэра; Лоретта Янг, пожар в Иллинойсе; Рей Милланд; муж полюбил меня с того дня, как я пользуюсь дезодорантом «Питс»; покупайте «Крисаргил», слабительное медовых месяцев; мужчина в пижаме улыбался своей молодой супруге; Ла Гардиа улыбался губернатору Делавэра; «Шахтеры кусок пирога не получают», заявляет Бадди Смит. Они читали; широкие черно-белые страницы говорили им о них самих, об их заботах, об их удовольствиях; они знали, кто такой Бадди Смит, а Гомес этого не знал; они поворачивали к солнцу, к спине водителя большие буквы: «Взятие Парижа» или же «Монмартр в огне». Они читали, и газеты голосили в их руках, но их никто не слушал. Гомес почувствовал, как он постарел и устал. Париж далеко; среди ста пятидесяти миллионов он был один, кто им интересовался, это была всего лишь небольшая личная проблема, едва ли более значимая, чем жажда, раскаляющая ему горло.

— Дай мне газету! — сказал он Ричи.

Немцы занимают Париж. Наступление на юге. Взятие Гавра. Прорыв линии Мажино.

Буквы кричали, но три негра, болтавшие позади него, продолжали смеяться, не слыша этого крика.

Французская армия невредима. Испания захватила Танжер.

Мужчина в золотых очках методично рылся в портфеле, он вынул из него большой ключ, который удовлетворенно рассматривал. Гомесу стало стыдно, ему хотелось сложить газету, как будто там

бесстыдно разглашались его самые сокровенные тайны. Эти отчаянные вопли, заставляющие дрожать его руки, эти призывы о помощи, эти хрипы были здесь слишком неуместны, как его пот иностранца, как его слишком сильный запах.

Обещания Гитлера подвергаются сомнению; президент Рузвельт не верит, что... Соединенные Штаты сделают все возможное для союзников. Правительство Его Величества сделает все возможное для чехов, французы сделают все возможное для республиканцев Испании. перевязочные материалы, медикаменты, консервированное молоко. Позор! Студенческая демонстрация в Мадриде с требованием вернуть Гибралтар испанцам. Он увидел слово «Мадрид» и не смог читать дальше. «Здорово сработано, негодяи! Негодяи! Пусть они поджигают Париж со всех четырех сторон; пусть они превратят его в пепел».

Тур (от нашего собственного корреспондента Аршамбо): сражение продолжается, французы заявляют, что вражеский натиск ослабевает; серьезные потери у нацистов.

Естественно, натиск ослабевает, он будет ослабевать до последнего дня и до последней французской газеты; серьезные потери, жалкие слова, последние слова надежды, не имеющие больше оснований; серьезные потери у нацистов под Таррагоном; натиск ослабевает; Барселона будет держаться... а на следующий день — беспорядочное бегство из города.

Берлин (от нашего собственного корреспондента Брукса Питерса): Франция потеряла всю свою промышленность; Монмеди взят; линия Мажино прорвана с ходу; враг обращен в бегство.

Песнь славы, трубная песнь, солнце; они поют в Берлине, в Мадриде, в своей военной форме, в Барселоне, в Мадриде, в своей военной форме; в Барселоне, Мадриде, Валенсии, Варшаве, Париже; а завтра — в Лондоне. В Туре господа французские чиновники в черных сюртуках бегали по коридорам отелей. Здорово сработано! Это здорово, пусть берут все, Францию, Англию, пусть высаживаются в Нью-Йорке, здорово сработано!

Господин в золотых очках смотрел на него: Гомесу стало стыдно, словно он закричал. Негры улыбались, молодая женщина улыбалась, кондуктор улыбался, *not to grin is a sin**.

— Выходим, — улыбаясь, сказал Ричи.

С афиш, с обложек журналов улыбалась Америка. Гомес подумал о Рамоне и тоже улыбался.

— Десять часов, — сказал Ричи, — мы опоздали только на пять минут.

Десять часов, значит, во Франции три часа: бледный, лишенный надежды день таился в глубине этого заморского утра.

Три часа во Франции.

— Вот и приехали, — сказал владелец машины.

Он окаменел за рулем; Сара видела, как пот струится по его затылку; за спиной неистовствовали клаксоны.

— Бензин кончился!

Он открыл дверцу, спрыгнул на дорогу и стал перед машиной. Он нежно смотрел на нее.

— Мать твою! — сквозь зубы процедил он. — Мать твою за ногу!

* Не улыбаться — это грех (*англ.*).

Он нежно гладил рукой горячий капот: Сара видела его через стекло на фоне сверкающего неба, среди всего этого столпотворения; машины, за которыми они ехали с утра, исчезли в облаке пыли. А сзади — гудки, свистки, сирены: клочкотание железных птиц, песнь ненависти.

— Почему они сердятся? — спросил Пабло.

— Потому что мы загораживаем им дорогу.

Она хотела выйти из машины, но отчаяние вдавливало ее в сиденье. Водитель поднял голову.

— Выходите же! — раздраженно сказал он. — Вы что, не слышите, как гудят? Помогите мне подтолкнуть машину.

Они вышли.

— Идите назад, — сказал водитель Саре, — и толкайте получше.

— Я тоже хочу толкать! — пискнул Пабло.

Сара уперлась в машину и, закрыв глаза, в кошмаре толкала изо всех сил. Пот пропитал ее блузку; сквозь закрытые веки солнце выкалывало ей глаза. Она их открыла: перед ней водитель толкал левой рукой, упираясь в дверцу, а правой крутил руль; Пабло бросился к заднему бугеру и с дикими криками уцепился за него.

— Не растянись, — сказала Сара.

Машина вяло катилась по обочине дороги.

— Стоп! Стоп! — сказал водитель. — Хватит, хватит, черт побери!

Гудки умолкли: поток восстановился. Машины шли мимо застрявшего автомобиля, лица приникали к стеклам; Сара почувствовала, что краснеет под взглядами, и спряталась за машиной. Высокий худой человек за рулем «шевроле» крикнул им: